

ЕВРЕИ И ВОЙНА

С началом Первой мировой войны все еврейское население было взято Главным командованием под подозрение. Евреи априори были сочтены нелояльными, склонными к измене и шпионажу в пользу противника. Шпиономания приобрела поистине патологический характер. Евреев обвиняли в том, что они «сносятся с неприятелем при помощи подземных телефонов и аэропланов и снабжают его золотом и съестными припасами». По одной из версий евреи привязывали золото под гусиные перья, и птицы уносили его к противнику, по другой — золотом наполнялись внутренности битой птицы, которая отправлялась в Германию». В Березницах Волынской губернии священник сообщил народу с церковного амвона, что евреи — шпионы, и что в животе коровы найден телефон, приспособленный ими для связи с неприятелем. Властям поступали доносы об отправке евреями депеш в Германию «в яйцах кур ценных пород» или о заготовке евреями в Вильно «в подземельях и трущобах» кастрюль для выплавки снарядов для противника. Евреи якобы пытались переправить немцам полтора миллиона рублей золотом, спрятав их в гробу; еврей-мельник связывался с австрийцами посредством телефона, установленного в подвале; другие, наоборот, перерезали русские телефонные линии и соединяли провода с австрийскими; евреи использовали костры и световые сигналы для передачи информации противнику; они подавали сигналы из окон собственных домов, с деревьев и крыш домов, раскрывая врагу расположение русских войск; евреи строили планы об организации мятежа в Кронштадте и пытались переправить план восстания немцам в Данциг, опустив запечатанную бутылку в море, и т. д. и т. п. В Петрограде были проведены обыски в хоральной синагоге и в квартире председателя ее правления И. А. Варшавского. Охотники за шпионами искали «аппарат для сношений с неприятелем по беспроволочному телеграфу».

Политика преследования евреев явилась не только — и не столько — результатом личного антисемитизма главнокомандующего —

великого князя Николая Николаевича, и в особенности начальника его штаба генерала Н.Н. Янушкевича. Эта политика предусматривалась военной теорией; сведения о вредных и полезных элементах населения офицеры получали в военных училищах и академиях¹. Теория подтверждала предубеждения, впитываемые большинством православного населения России с детства. Евреи были иноверцами, отринувшими Христа; они были эксплуататорами, не пахавшими и не сеявшими, но умудрявшимися извлекать прибыль как будто из воздуха; они были смутьянами, подрывавшими власть царя и основы русской жизни. Они были воплощением всего чуждого и враждебного. В Черте оседлости, где никогда ранее не бывало большинство мобилизованных, это особенно бросалось в глаза. Евреи говорили на другом языке, были по-особому одеты, их обычаи были странными и внушавшими подозрения. Они очень подходили на роль виновников военных неудач и материальных неурядиц. В то же время они были совершенно беззащитны. Начальство объясняло поражения еврейской «изменой» и санкционировало насилие по отношению к евреям. Каков был предел этих насилий — определялось в каждом конкретном случае.

Насилия против евреев начались с первых же дней Первой мировой войны, причем начались *снизу*, еще до официальной санкции военных властей. Период мобилизации, когда войска скапливались на железнодорожных узлах, ознаменовался рядом нападений на евреев. Случались нападения на евреев и позднее, например, во время призыва в армию запасных в августе 1915 года Херсонский губернатор доносил о «незначительных» беспорядках во время призыва. К ним были отнесены избиения призывниками «прохожих евреев», «причинение» еврею Варшавскому двух легких ножевых ран, наряду с бросанием камней в окна домов, принадлежащих евреям. Впрочем, по сравнению с творившимся к тому времени в прифронтовой полосе это были в самом деле пустяки.

По распоряжению российского командования в качестве превентивной меры против еврейского шпионажа и измены были предприняты массовые депортации еврейского населения из прифронтовой полосы. Депортировано было около 250 тысяч человек,

¹ Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Ed. by R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 115.

еще около 350 тысяч бежало во внутренние районы, спасаясь от наступающих немецких войск. Высылали не только евреев, но также немцев, цыган, венгров, турок.

Депортации нередко сопровождались насилиями, грабежами и погромами. Грабежи часто производились под прикрытием «реквизиций» и фактически санкционировались сверху. Штаб 4-й армии Юго-Западного фронта разъяснил в ответ на запрос о «порядке проведения реквизиций на театре военных действий и в угрожаемых районах»: «У жидов забирать все».

Подозрения евреев в сочувствии к противнику и в шпионаже приводили к скоротечным военно-полевым судам, приговоры которых были предрешены. Впрочем, чаще всего дело до суда не доходило. Как говорил кн. Павлу Долгорукову один из военных судей, ему «не пришлось подписать ни одного смертного приговора (по делам о «еврейском шпионстве» — О.Б.), так как каждый ротный и батальонный командир вешают без суда тех, кто кажется им шпионами». По немецким данным, в первые недели войны по подозрению в шпионаже было казнено свыше ста евреев. Вполне вероятно, что общее число казненных было гораздо выше. По сведениям сотрудника Красного креста, только в Ивангороде было повешено несколько десятков евреев, но, как он записал в дневнике, «повидимому, шпионство среди них все еще процветает».

Каковы были основания для обвинений евреев в шпионаже и измене? Стояло ли за ними что-нибудь еще, кроме предубеждений? Понятно, что обвинение в шпионаже и сотрудничестве с противником всего еврейского населения чохом, превентивные выселения сотен тысяч людей, включая женщин и детей, было нелепостью, но имела ли, тем не менее, эта нелепая и исключительно вредная для внутренней стабильности империи политика какие-либо реальные основания? Вряд ли можно сомневаться, что среди еврейского населения, особенно в приграничных районах, были агенты противника, также как в том, что значительная часть евреев не испытывала патриотических чувств по отношению к своему неласковому отечеству. Но от нелюбви до службы противнику — дистанция огромного размера. Сколько человек в действительности ее преодолело? Об этом достаточно трудно судить, поскольку, во-первых, заподозренных в шпионаже нередко казнили без каких-либо юридических процедур, во-вторых, если обвинительные приговоры выносились

военно-полевыми судами, без участия защитников, причем обвиняемые часто не знали русского языка и не понимали, в чем им обвиняют, то такого рода данные также мало о чем говорят. Если же дела по обвинению евреев рассматривались корпусными судами с участием защитников, то они почти всегда заканчивались оправдательными приговорами за отсутствием серьезных улик.

Хроника разгрома еврейского населения Литвы и Белоруссии летом и осенью 1915 года мало чем отличается от материалов о еврейских погромах периода Гражданской войны. В погромах и грабежах принимали участие преимущественно казаки и драгуны. В Ковенской губернии в июле 1915 года от погромов пострадало 15 населенных пунктов. Недалеко от местечка Оникшты драгуны убили еврея-мельника с сыном за отказ выдать им жену и дочь, в местечке Вольники изнасиловали 14-летнюю Алту Шмидт. В Виленской губернии в августе-сентябре 1915 года были разгромлены 19 населенных пунктов. Особенно пострадала Сморгонь. Казаки насиловали женщин в синагоге, несколько человек было убито. Насилия прекратились после столкновения с солдатами-евреями. Во время выселения Лейба Соболя сказал казачьему офицеру, что не может оставить больного и дряхлого отца. Тогда офицер застрелил на месте старика Соболя и заявил, что сын теперь свободен и может покинуть Сморгонь. Казаки поджигали дома как в Сморгони, так и в других местах. Некоторые евреи сторели заживо.

Погромы прокатились по Минской, Волынской, Гродненской губерниям. В грабежах имущества евреев принимали участие окрестные крестьяне точно так же, как и в 1919 года на Украине. «Отличались» опять-таки в основном казаки. Массовый характер приняли изнасилования, нередки были и убийства. В Лемешевичах (Пинского уезда) были изнасилованы трое 12-летних и одна 11-летняя девочка, в Лебедеве (Виленской губернии) большинство изнасилованных были старухи, в том числе те, кому перевалило за семьдесят лет. В деревне Березновка Борисовского уезда десять казаков изнасиловали 72-летнюю старуху. Иногда изнасилованных убивали. По агентурным сведениям Департамента полиции в сентябре 1915 года в западной части Борисовского уезда Минской губернии все местечки и почти все деревни, в которых жили евреи, подверглись разграблению. В основном грабили казаки, принимали участие в погромах и уланы. Самое активное участие в грабежах

и в подстрекательстве к ним принимали местные крестьяне. Войска инвентаризовали «контрибуции», требовали, под угрозой смертной казни, доставить им табак и папиросы.

В Гродно во время боев с немцами население попряталось в подвалах. Казаки принялись рыскать по городу и, втыкая пики в подвалы, разыскивали спрятавшихся там людей. Рассказчица (Бронислава Брженковская) была ранена казацкой пикой. Ее вытащили из подвала и привели к офицеру с рапортом: «жиды прячутся в подвалах и стреляют в наших». Офицер приказал вытаскивать и убивать всех скрывающихся в подвалах евреев, что и было сделано. Когда выяснилось, что раненая женщина — полька, ее освободили.

Насилия русской армии по отношению к галицийским евреям, этим «чужим жидам», намного превзошли по степени жестокости то, что пришлось претерпеть российским евреям. После вторжения русской армии в Галицию в августе 1914 года погромы — разной степени разрушительности и жестокости — состоялись в Бродах, Радзивиллове, Львове, Сокале и других городах и местечках. «Отличались» прежде всего казаки. После установления «нормального» оккупационного режима насилия, как правило, прекращались.

Описания еврейских местечек, через которые прошла русская армия во время Брусиловского прорыва весной и летом 1916 года, мало чем отличаются от погромных хроник 1919 года. В Бучаче еврею, солдату русской армии, пришлось наблюдать 10-летнего мальчика с переломанными руками, лежащего возле матери с разбитым черепом и отрубленными ногами, труп изнасилованной, а затем забитой до смерти женщины, мужчин с разбитыми головами и вытекшими глазами, удушенных и сожженных мертвецов.

Из местечка Монастыржиск, куда русская армия пришла во второй раз, бежали все евреи, кроме трех помешанных и одного парализованного. Последний, старик лет шестидесяти, владел несколькими именьями. Когда казаки в первый раз ворвались в Монастыржиск, они, заявив: «ты жид, тебе при австрийцах разрешено было иметь землю, а при русских ты грызи землю», заставили старика, подгоняя его ударами нагайки, ползать на четвереньках и рыть носом землю. На следующий день его разбил паралич.

Насилия сопровождалось глумлением. В Бучаче были выброшены свитки торы из 23 синагог. Всего же мемуарист подобрал в 15 разгромленных русскими войсками городах Галиции и Букови-

ны четыре пуда свитков торы. В Монастыржиске в одной синагоге устроили военный лазарет, а другую отвели для нечистот. Было разгромлено еврейское кладбище: разрыты могилы, разбиты мраморные памятники, а также уничтожена ограда, окружавшую братскую могилу немецких солдат-евреев.

Антисемитская пропаганда военного времени успешно формировала образ врага; насилия по отношению к еврейскому населению были фактически узаконены. Антиеврейское насилие стало обычной практикой для армии. «Модель» военных погромов эпохи Гражданской войны была опробована задолго до ее начала. Гражданская война в России, точнее, на территории бывшей Российской империи, ознаменовалась беспрецедентными по числу жертв и жестокости еврейскими погромами. В 1918–1920 годах только на Украине приблизительно в 1300 населенных пунктах произошло свыше 1500 еврейских погромов. Было убито и умерло от ран, по разным оценкам, от 50–60 до 200 тысяч евреев. Около 200 тысяч было ранено и искалечено. Были изнасилованы тысячи женщин. Около 50 тыс. женщин стали вдовами, около 300 тысяч детей остались сиротами. Погромы происходили в основном в пределах бывшей черты еврейской оседлости, однако имели место и в городах, ранее не входивших в черту в случае проживания там даже небольшого еврейского меньшинства. Сведения о погромах и погибших стали более или менее систематически собираться с мая 1919 года, однако точное число жертв вряд ли когда-нибудь будет установлено.

Образ евреев как предателей и шпионов прочно утвердился в сознании обывателей и в особенности военнослужащих. «Архетип» предательского удара в спину материализовывался в воспаленном и примитивном сознании в виде выстрелов в спину, которые «слышали», в зависимости от обстоятельств, петлюровцы, белые или даже красные. Евреи, опять-таки в зависимости от обстоятельств, могли трактоваться как большевики или контрреволюционеры, буржуи или комиссары.

Поводом к началу погромов в Галиции, в период Первой мировой войны служил, как правило, выстрел в российских военных, якобы произведенный еврейкой. В Бродах в казаков якобы стреляла девушка — дочь владельца гостиницы. Девушка и еще четверо евреев были убиты, часть города сожжена. Впоследствии выяснилось, что никто не стрелял и никто из казаков (о чем говорилось пона-

чину как о несомненном факте) не был ни убит, ни ранен. Во Львове в 1914 году на «выстрел еврейки из окна» было убито 18 евреев и разграблен еврейский квартал. Подобные «выстрелы» послужили сигналом к началу погромов едва ли не в десятке других населенных пунктов. Член Государственной думы и организатор санитарного отряда, действовавшего в прифронтовой полосе, И. П. Демидов горючил С. А. Анскому, что в каждом городе некая еврейская девушка стреляет в русских, причем «выстрел еврейки» всегда раздается из окна того дома, в котором помещается лучший магазин в городе. Демидов намекал на то, что «выстрел в спину» служил поводом для начала грабежа. На наш взгляд, дело обстояло и проще, и сложнее. Выстрел в спину — это «материализация» ожидаемого предательства; выстрел, произведенный женщиной — олицетворение коварства вдвойне. Это «бродячий» сюжет, всплывающий в разное время при разных обстоятельствах.

Чтобы далеко не ходить, напомним, что легенды о женщинах-снайперах были широко распространены в период чеченской войны и стали даже сюжетом российского фильма «Блокпост». Чеченская девушка предлагает сексуальные услуги своей сестры, ранее «испорченной» (изнасилованной) русскими солдатами военнослужащим, охраняющим блокпост. Те расплачиваются самой твердой валютой на Кавказе — патронами. Эти патроны юная сутенерша, оказавшаяся снайпером, использует затем для убийства своих клиентов. Еще более поразительна легенда о так называемых «белых колготках» — девушках-снайперах из Прибалтики, сражавшихся на стороне чеченских сепаратистов в период первой чеченской войны. Конечно, никто никогда ни одной снайперши из Прибалтики в Чечне не видел, однако некоторые российские газеты писали об их существовании как о несомненном факте.

Однако вернемся к евреям. «Еврейские выстрелы» продолжали слышаться участникам различных вооруженных формирований и в период Гражданской войны. Отступавшие в панике весной 1918 года под натиском германских войск красноармейцы, учинившие в северных уездах Черниговской губернии несколько погромов, утверждали, что «жиды расстреливают красную армию», что они «все контрреволюционеры» и встречают немцев с хлебом-солью. Тогда же инструктор Военного комиссариата в Курске Фомин сообщил в Москву, что бойцы еврейской самообороны стреляли в от-

ступающих красноармейцев. 5 апреля 1919 года в Пинске польскими легионерами были арестованы участники собрания местных сионистов, обсуждавших вопрос о распределении полученной из США помощи. Почти все собравшиеся (37, по др. данным — 35 человек) были отведены на рынок и расстреляны из пулемета. По официальной версии, распространенной польским телеграфным агентством, еще «при оккупации города в разных частях его из окон еврейских домов, в сумерки, сыпались выстрелы на вступающих улан». Собрание было якобы сборищем большевиков, и поляки обнаружили «громадные склады оружия». Петлюровские солдаты в начале 1919 года, напротив, уверяли, что евреи «создали свои особые полки, что они стоят за старый режим и дерутся за панов, что они стреляли из окон по восставшему народу и даже обливали кипятком восставший народ из окон».

В октябре 1919 года во время боев добровольцев с красными за Киев в стане как будто более цивилизованных, чем украинские крестьяне, составлявшие основу петлюровского воинства, белых стали распространяться слухи о евреях, обливающих серной кислотой и кипятком «наших сестер милосердия». Офицер «с университетским значком на груди» говорил:

«— Жиды режут наших солдат, обливают кипятком и *горящей* (так!) смолой сестер милосердия и помогают большевикам».

В киевской газете «Вечерние огни» сразу после возвращения белых в город был напечатан список домов и квартир, откуда евреи стреляли в отступавших добровольцев и обливали их серной кислотой и кипятком. Специально созданной комиссией были проверены указанные адреса и сведения газеты опровергнуты. Для любого трезвомыслящего человека вздорность информации должна была, казалось, быть ясна и без всякой проверки: дело все-таки происходило не в средневековой крепости и не в эпоху монголо-татарского нашествия. Выстрелы из окон *собственных* квартир по регулярным войскам могли свидетельствовать разве что о психической неадекватности стрелков. Среди прочего выяснилось, что дымки, якобы от выстрелов из окон квартир евреев в Киеве, были вызваны рикошетами от пуль, попадавших в стены домов, то есть ситуация интерпретировалась «с точностью до наоборот»; аналогичного происхождения были рассказы о выстрелах в спину добровольцам и в других городах и местечках.

Начальник одной из дивизий Красной армии, пробывавшейся через занятый польскими войсками Белосток в конце августа 1920 года докладывал, что ему «пришлось вести бой больше с населением Белостока, чем с польскими войсками, причем во враждебных действиях деятельное участие принимало также еврейское население». Скорее всего дал себя знать стереотип, прочно утвердившийся в сознании значительной части российских военных, какую бы форму они ни носили, о еврейских «выстрелах в спину». Ибо во всех политических сводках периода советско-польской войны отмечалось, что лишь еврейское население поддерживает красных. Говоря о «выстрелах в спину», Деникин признавал, что «наряду с действительными фактами имела место не раз и симуляция — в оправдание содеянных насилий; что выстрелы в тыл иной раз носили происхождение «христианское», а то и вовсе мифическое. Но взаимная ненависть туманила головы, всякое враждебное выступление со стороны евреев было *объективно* возможно, и все обвинения их — правдивые и ложные — воспринимались массой с непреложной верой».

Возможное, если дело касалось евреев, часто трактовалось встретившимися им в недобрый час военными как *действительное*. Петлюровцам встретился еврей-портной с двумя дочерьми четырнадцати и одиннадцати лет. Заметив у старшей ножницы, они обвинили девочек в порче телеграфных проводов, вырезали им языки, выкололи глаза и затем убили. Какие-то белые офицеры убили студента-еврея и его жену «за шпионаж», поскольку обнаружили у него записную книжку с адресами. Студент был сотрудником одной из киевских газет, ушедшим из захваченного большевиками Киева. Когда студент с женой спешили в «освобожденный» Киев, по дороге им встретились «добровольцы».

Бойцы Первой Конной армии в известном рассказе Бабеля «Берестечко» также убивают еврея за «шпионаж». Вряд ли можно сомневаться, что описанная в рассказе сцена являлась художественным обобщением виденного автором в реальности. Alter ego Исаака Бабеля, военный корреспондент Лютов из «Конармии» хладнокровно наблюдает убийство: «Прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой. Старик взвизгивал и вырывался. Тогда Кудря из пулеметной команды взял его голову и спрятал ее у себя под мышкой. Еврей за-

тих и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись».

Говоря о причинах еврейских погромов в период Гражданской войны, разумеется, не следует забывать и о социально-экономических противоречиях евреев с местным населением, и об использовании антисемитизма как козырной карты в антибольшевистской пропаганде, и об искренней уверенности многих противников большевиков, что большевизм — порождение еврейства, и о возможности пограбить, как одном из стимулов части антибольшевистских сил, в особенности казаков. Но следует помнить и о другом — о глубоко укорененном в православной культуре образе евреев, как коварного племени, предавшего Христа, готового при случае предать Россию и вступить в сговор с иноверцами и инородцами. Этот образ предателей был расцвечен дополнительными красками в период Первой мировой войны. Армия в годы войны в наибольшей степени подверглась антисемитской пропаганде и впервые фактически получила санкцию на насилия специально против евреев. Не удивительно, что полученные уроки не прошли даром. Еврейские погромы 1918–1920 годов были кульминацией и прямым продолжением анти-еврейского насилия, начавшегося в августе 1914 года.